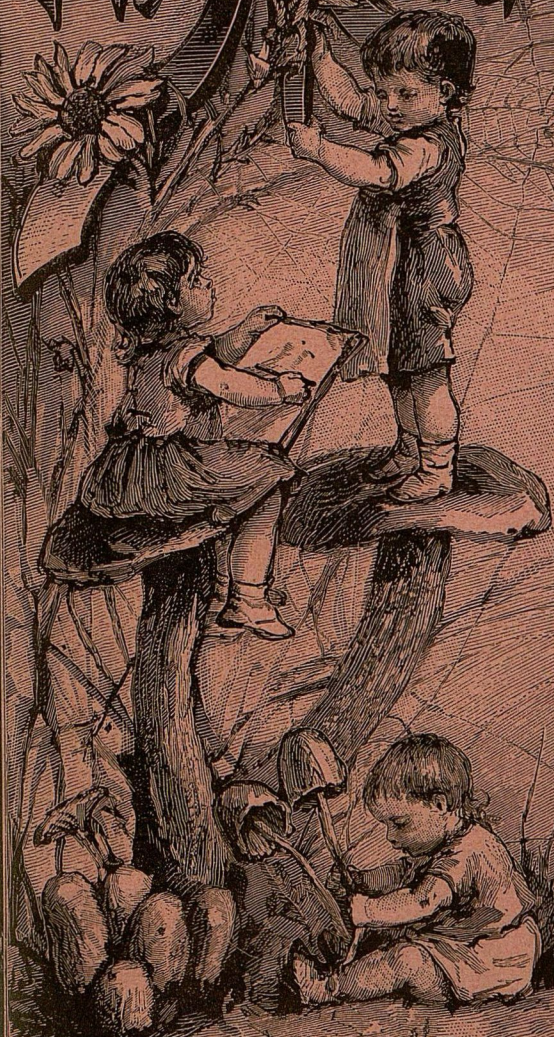

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

Л. В. С. ЛЕНКО

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“
ОСОВЫЙ ОТДѢЛЬ
журнала «ИГРУШЕЧКА».

1892

ФЕВРАЛЬ № 2.

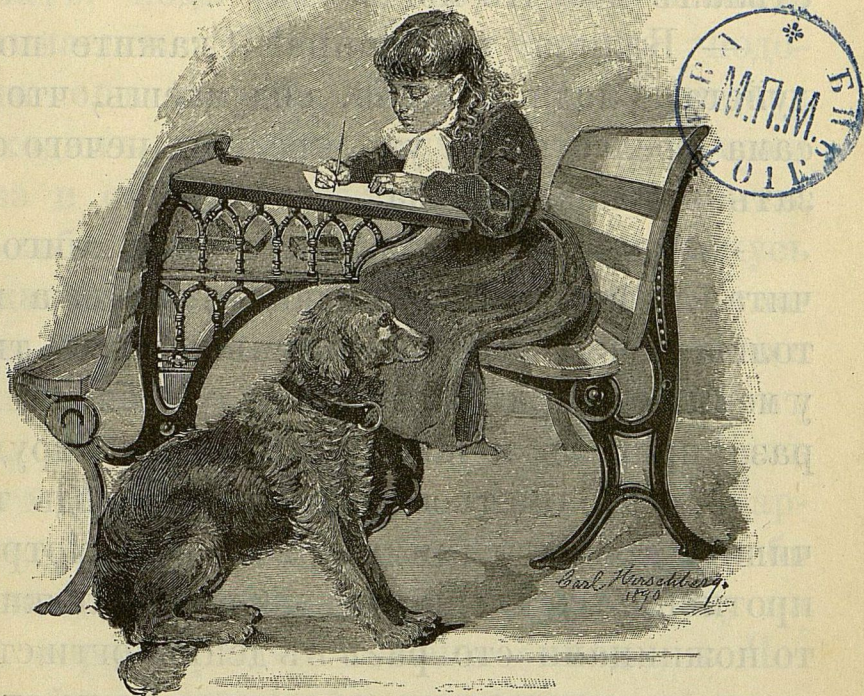
ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. Пафъ. Разсказъ. <i>Бумъ-бумъ</i> . Съ двумя рисунками.	17
II. — А-а, вонъ какъ рѣшаетъ онъ задачу!.. Картинка на отдѣльной страницѣ.	23
III. Ершъ-забіяка. Сказка. (Стих.). <i>В. Лебедева</i>	24
IV. На озерѣ. Побасенка. <i>Н. Несмѣлова</i>	25
V. Окунь. <i>А. К. Владиміровой</i>	30
VI. О чемъ молиться? Маріи Конопницкой. Съ польскаго <i>А. Сихаровой</i>	32

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

Оля внимательно пишетъ; Мрачный вотъ-вотъ задремлетъ...

ПАФЪ!

— Будетъ тебѣ писать, Оля! Надоѣло смотрѣть, какъ ты серьезно выводилъ что-то въ тетрадь! Даже Мрачный,—такъ звали Олину собаку,—и тотъ соскучился глядѣть на тебя и дремлетъ.

— Что ты говоришь, Коля,—отвѣтила, не поднимая головы отъ тетрадки, Оля.— Тебѣ бы все скорѣй... Начиркаешь, Богъ

знаеть, какихъ каракуль и думаешь, что сдѣлалъ все, что могъ...

— Бѣдная труженица! Скажите пожалуйста! Глядя на тебя, подумаешь, что ты сама прелесть! Ну ужъ прелесть нечего сказать. Милая дѣвочка!

— Ахъ, отстань! Сиди себѣ за книгой и читай. Вѣдь тебѣ двѣнадцать лѣтъ, а мнѣ только девять. Я знаю меньше, чѣмъ ты, и у меня не такая память, какъ у тебя. Ты два раза прочелъ и помнишь... А мнѣ трудно!

— А то по твоему что ли, ты вѣдь торчишь у стола цѣлыми днями! На тебя смотрѣть противно! То ты палецъ ко лбу приложишь, то ножницами сто разъ въ день ногти стрижешь, то уши тянешь, то сопишь, то на стулѣ качаешься... А знаешь, Оля, я сегодня въ гимназiи опять Синицина поколотилъ.

— Неужели? Вотъ бѣдный! За что же?

— Понимаешь, видѣть его не могу... Онъ добрый, хорошій, часто отдаетъ мнѣ весь свой завтракъ... Завтракъ его я съѣдаю, но рожи его все-таки видѣть не могу. Вообрази его рожу! Какая-то бѣлая, круглая, точно тарелка. А глаза!.. Ну, ужъ глаза!.. Нѣтъ, я тебѣ просто сказать не могу, что у него за глаза... Какъ тебѣ сказать!..

Ну точно у лягушки! Ротъ до ушей; уши торчатъ; подъ носомъ бородавка! Ужасъ! Понимаешь... Такъ вотъ сегодня подошелъ онъ ко мнѣ, когда я по корридору проходилъ, да сзади закрылъ мнѣ руками глаза и спрашиваетъ: «отгадай, говоритъ, кто тебѣ глаза закрылъ». Я какъ рванусь да какъ шлепну его по лягушечьимъ глазамъ... А тутъ точно выросъ между нами воспитатель... «Ахъ ты забіяка, говоритъ онъ мнѣ, пошелъ сейчасъ въ карцеръ... Какъ ты смѣешь драться. На три часа въ карцеръ. Да это еще не все. Три бала у тебя съ поведенія сниму». Я какъ фыркну на весь корридоръ. «А! ты еще смѣешься. Четыре бала спущу!» А я еще громче смѣюсь... И говорю—да вы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, вѣрно думаете, что у меня пятерка за поведеніе... Вотъ уже мѣсяцъ, какъ у меня неизмѣнный колъ. Поэтому-то я и смѣюсь, что изъ него ни трехъ, ни четырехъ взять нельзя... Онъ такъ и опѣшилъ... «Тогда, говоритъ, иди въ карцеръ»... Я дѣлаю шагъ впередъ и что же вижу... Петька Синицинъ встаетъ передъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ на колѣни и говоритъ такимъ кроткимъ, добрымъ голосомъ: «Простите его... онъ совсѣмъ не можетъ

видѣть моихъ глазъ... они ему надоѣли. Сидимъ мы въ классахъ два года рядомъ... Конечно, я надоѣлъ ему». Воспитатель меня простилъ, и мы направились въ классъ... Передъ самыми дверями я далъ Синицину подзатыльникъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ въ классъ.

— И тебѣ его не жаль было?

— Нисколько...

Не успѣли они кончить разговора, какъ Коля выбѣжалъ изъ комнаты и, спрятавшись у окна, началъ кричать:

«Пи! пи! Хырѣ! хырѣ!»

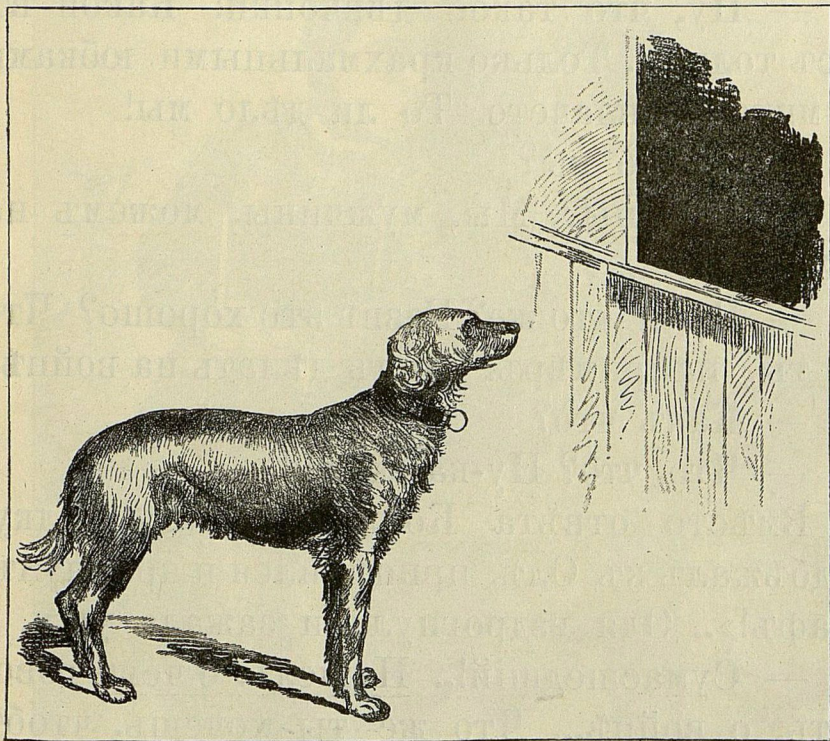
Мрачный всталъ и началъ прислушиваться...

— Мяу! мяу!—продолжалъ кричать Коля.

— Что за мальчикъ,—ворчала Оля.— Знаешь, тебѣ мѣсто не въ гимназiи, а въ балаганѣ...

— Ай, ай, ай. Чуть не забылъ тебѣ рассказать... Дала мнѣ сегодня няня съ собой на завтракъ бутербродовъ съ икрой и съ сардинками, а мама завернула нѣсколько штукъ безе. Я, знаешь, вынулъ все это изъ ранца и затолкалъ себѣ въ карманы. Когда насъ отпустили завтракать, мы по дорогѣ и начали бороться. Меня повалили

на полъ и хотѣли вытащить изъ кармановъ мой завтракъ. Я отбиваюсь, а меня еще сильнѣе колотятъ... еле отбился. Ну и завтракъ былъ!.. Икра, сардинки, безе, бумага, все перемѣшалось...

Мрачный началъ прислушиваться...

- Ну что же, ты безъ завтрака остался?
- Какъ бы не такъ, конечно, все съѣлъ.
- Не можетъ быть! И бумагу съѣлъ?
- Кто знаетъ, кажется, и бумагу съѣлъ.

— Боже мой! Боже мой! Вотъ ни за что бы не хотѣла быть мальчикомъ.

— А еслибъ меня спросили: «къмъ бы ты, Коля, хотѣлъ быть?!» я отвѣтилъ бы— мальчикомъ.

— Не понимаю...

— Ну, что такое дѣвчонки! Какой въ васъ толкъ... Только крахмальными юбками шумите да плачете. То ли дѣло мы!

— А что вы?

— Что мы? Мы, мужчины, можемъ на войну идти...

— Ну и что же? Развѣ это хорошо? Что бы ты, напримѣръ, сталъ дѣлать на войнѣ?

— Какъ что?

— Что, что? Ну-ка скажи!..

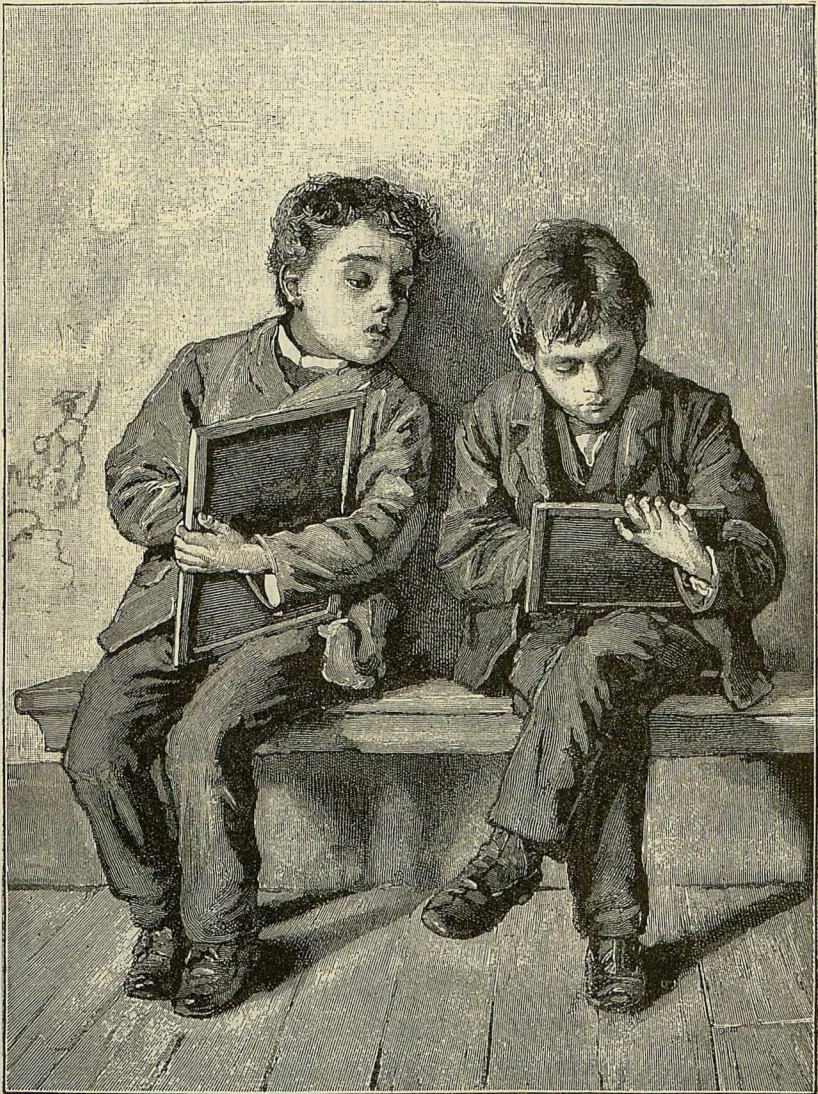
Вмѣсто отвѣта Коля схватилъ палку, подбѣжалъ къ Олѣ, прицѣлился и крикнулъ: «пафъ!».. Оля вздрогнула и зажала уши.

— Сумасшедшій!.. Нашель, о чемъ говорить, о войнѣ... Что же ты хочешь, чтобъ всѣхъ насъ убили?

— Зачѣмъ, чтобъ насъ убили. Мы сами убьемъ.

— Развѣ это не все равно: насъ убьютъ, или мы убьемъ,—всѣмъ одинаково больно.

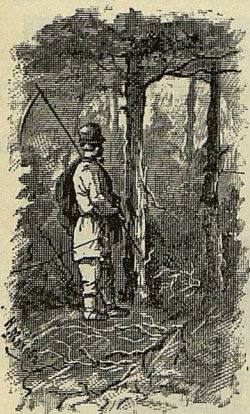
Бумъ-бумъ.

— А-а, вонъ какъ рѣшаетъ онъ задачу... что тамъ еще думать,—спишу у него—и готово дѣло!..

ЕРШЪ-ЗАБІЯКА.

Сказка.

одъ густой, зеленой ивой
Дремлетъ берега изгибъ;
Подъ обрывъ толпой шумливой
Приплываетъ стая рыбъ...

Стебельки рѣчной осоки
Наклоняются шурша—
Слышны жалобы, попреки
На разбойника-ерша:

Спаль налимъ невозмутимо;
Ершъ нарушилъ тихій сонъ

И лѣниваго налима
Уколотъ щетиной онъ.

Къ карасю въ рѣчную заводь *)
Забіяка ворвался;
Началъ брызгаться и плавать,
Разобидѣлъ карася...

Налетѣлъ на забіяку
Рѣзвый окунь-молодецъ,—
Ершъ и съ нимъ затѣялъ драку
И разсорился въ конецъ.

Не боясь рыбачьихъ мрежей **),
Въ тину, въ цѣпкую траву
Онъ загналъ изъ рѣчки свѣжей
Серебристую плотву.

Въ этотъ день его, буяна,
Наказать пришла пора,—
Собрались все рыбы рано
Въ омуть князя-осетра...

*) Заводь—рѣчной заливъ; заворотъ рѣки насупротивъ оги-
баемой ею косы; заливъ между двухъ мысовъ.

**) Мрежа—мережа, рыбачья сѣть.

«ДЛЯ МАЛЮТОВЪ».

И толпа ихъ князя молитъ:

«Накажи скорѣй его,—

«Онъ шумить, буянить, колеть—

«Не боится никого».

Князь-осетръ съ своей княгиней,

Чешую золотясь,

На волнѣ качаясь синей,

Отвѣчаетъ имъ, смѣясь:

«Ваши рѣчи безъ обмана,

«Только жаль, мои друзья,

«Что теперь ерша-буяна

«Наказать не въ силахъ я...

«Нѣтъ разбойника на свѣтѣ,

«Нѣтъ ни въ тинѣ, ни во мху:

«Рыбакамъ сегодня въ сѣти

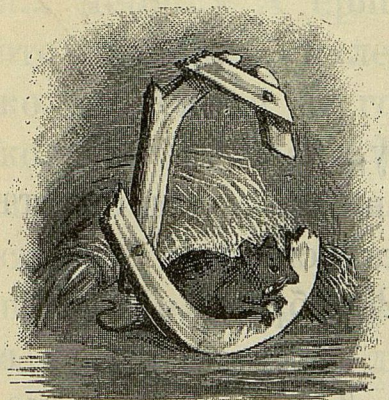
«Онъ попался на уху!..»

В. Лебедевъ.

НА ОЗЕРѢ.

(Осторожный ракъ, бойцы-удальцы окунь и ершъ и трусливая плотичка).

Шобасенка.

олнце припекаетъ; душно... Тихо на озерѣ; прибережныя ивы низко опустили свои вѣтви и смотрятся въ воду. Не шелхнеть, точно все спитъ кругомъ — зеленые берега, ивы, камыши, осока, озерная вода—все спитъ... Вдругъ

осока и камыши заколыхались, какъ будто вѣтеръ пробѣжалъ по нимъ; колышятся камыши, бьются другъ о друга, переплетаются съ осокой; зарябила вода и пошли круги по ней; затрепетали вѣтви старой ивы и ниже припали къ водѣ. Проснулся послѣ сытнаго обѣда дремавшій ракъ и не спѣша, съ неохотой, выползаетъ изъ норы — вытянулъ одну клешню-другую.

«Что за шумъ?!» — думаетъ ракъ, шевеля клешнями.

Что-то метнулось, засеребрилось передъ вытаращенными рачьими глазами и, вздрогнувъ, отчаянно налетѣло на рака; ракъ понятился въ нору.

— Что тамъ, милая плотичка?.. Неводъ?.. бредень?..

— Ой, нѣтъ!..

— Хуже?..

— Страсть!..

— Спрячусь въ нору...

— Прячься... они бьются... они будутъ сюда... Куда мнѣ спрятаться?!

— Что же, что тамъ?.. обручи, сѣти?!

— Драка...

— Драка — не бѣда!.. Дай посмотрю, можетъ, чѣмъ и поживлюсь. Кто и гдѣ дерется?..

— Онъ... онъ, самъ ершъ-щитинникъ, задира, забіяка съ окунемъ-красавцемъ сцѣпился... и не ползай къ нимъ, гдѣ тебѣ!..

— Трусиха!..

— Тоже храбрый!.. Прячься въ нору!.. Куда ужъ,—тамъ, въ камышахъ, стаи карасей, налимовъ, самъ язь и не могутъ разнять молодцевъ,—окунь весь въ крови, а ершъ все налетаетъ, все налетаетъ!..

— Изъ-за чего же драка: изъ-за мушки, изъ-за паучка или изъ-за червяка дерутся?!..

— Эхъ, ракъ, дальше норы ты ничего не видишь!.. Окунь сталъ хвастаться налиму своей ловкостью, силой, краснымъ перомъ, серебрястымъ нарядомъ: «я да я... не какой-нибудь мелкій ершишка, жалкая рыбка, кто его въ нашемъ озерѣ знаетъ... я... меня!..» А ершъ тутъ, какъ тутъ,—все это слышаль, налетѣлъ, сцѣпились... Ершъ колетъ окуня въ голову, колетъ въ хвостъ, колетъ въ бока. Я была тутъ, въ камышахъ, все слышала, поняла, спряталась скорѣе въ осоку—они туда, я прочь, дальше... Не быть окуню живому... не быть!.. а какой видный, ловкій!..

— Не быть живому отъ малаго ерша!.. Да я его!..

— Малъ ершъ, а съ нимъ не тягайся: не уступитъ онъ никому, кто его задѣнетъ, ни самому карасю, ни самому язю... да что карась, что язь,—съ щукой лѣзетъ въ драку!.. А-ай!.. вотъ они!..

И плотичка, дрогнувъ, исчезла, нырнувъ глубже въ воду, только серебристой блестящей мелькнулъ ея хвостъ... Ершъ гналъ окуня къ берегу, подъ вѣтви старой ивы; за ними плотной гурьбой плыли стаи степенныхъ карасей, задумчивыхъ язей и сзади всѣхъ одиноко плылъ мрачный налима; въ шумномъ плескѣ воды какъ будто слышалось: «ой, бросьте!.. ой, бросьте!.. окунь, уступи!.. ершъ, отвяжись!..» Но ершъ ловко бросался подъ окуня и кололъ его снизу острыми перьями спиннаго плавника; окунь билъ его хвостомъ; ершъ увертывался и снова нырялъ и кололъ, нырялъ и кололъ. Ракъ спрятался въ нору, только два черныхъ глаза его испуганно выглядывали изъ тинной норки и съ любопытствомъ слѣдили за борьбой ерша съ окунемъ.

— «Забьетъ онъ окуня и... я поживлюсь имъ... Глупыя рыбы изъ чего дерутся: кто кого лучше?! Для меня вотъ лучше всего кусокъ гнилого мяса, а тамъ кто лучше,

кто хуже, какое мнѣ до этого дѣло... кому это нужно. Зачѣмъ мнѣ это озеро — мнѣ норка нужна... И эти рыбы мечутся, воюють оттого, что у нихъ ни у одной нѣтъ норки, — шутка ли плавають онѣ по всему озеру, — это вѣдь цѣлый свѣтъ, гдѣ имъ владѣть этимъ моремъ, когда нѣтъ у нихъ такой прекрасной норки... когда не милы имъ камни, тина... Чтó можетъ быть лучше, милѣе тины?.. Вольныя рыбы!.. ну и бейтесь на волѣ... Окунь, ершъ бьются каждый за свою честь... и пускай бьются!..» раздумываль осторожный ракъ, сидя въ норкѣ.

Окунь и ершъ долго бились и волновали камыши, — но вотъ послышался скрипъ плохо смазанныхъ колесъ, показались на берегу пѣгая лошаденка, телѣга; за телѣгой шель босой мальчикъ; мальчику подвернулся подъ ногу камешекъ; онъ швырнулъ его въ воду и разогналъ безпокойныхъ рыбъ...

* * *

Раку мила его тѣсная, тинистая норка. Онъ цѣлыми днями сидитъ въ ней и лѣниво поджидаетъ, что перепадетъ ему на обѣдъ, на ужинъ; окунямъ и ершамъ милы водяная ширь, водяное раздолье, водяной просторъ. Раковъ пугаетъ невѣдомое имъ озеро, хотя

оно и широко разливается предъ ними; ершей и карасей не манятъ къ себѣ рачьи норки, хотя они, подплывая къ берегамъ, и видятъ ихъ,—оттого раку, ершамъ и окунямъ и не понять другъ друга, хотя живутъ они на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, въ однихъ и тѣхъ же водахъ.

Н. Несмѣловъ.

О К У Н Ъ.

Сегодня въ нашей рѣкѣ наловили много рыбы. Иныя были съ красными перышками по бокамъ, и дядя намъ сказалъ, что это окуни. Красныя перышки, это плавники, ихъ у окуня восемь—они ему служатъ для того, чтобъ держаться на водѣ; хвостъ его тоже плавникъ: ударяя хвостомъ вправо и влѣво, рыба плаваетъ очень быстро. Всѣ плавники состоятъ изъ маленькихъ косточекъ, соединенныхъ перепонкой. Когда окунь плыветъ, онъ держится спинными плавниками вверхъ, т. е. онъ плаваетъ бокомъ; а та, которая лежитъ на водѣ плашмя—та рыба мертвая или уснувшая. По обѣимъ сторонамъ головы мы видѣли у окуня двѣ

крышечки, подъ которыми есть красныя жабры, съ зубчиками какъ у гребня—ими рыба дышетъ. Кровь рыбы только немного теплѣе воды, въ которой она живетъ, потому ее и называютъ холоднокровною. Внутри окуня есть плавательный пузырь: набирая въ него воздухъ, рыба всплываетъ наверхъ; выдыхая воздухъ, она опускается. Внутри окуня оказалось множество икры. Дядя говоритъ, что иногда въ этой икрѣ бываетъ до трехъ сотъ тысячъ зернышекъ: изъ каждой икринки вылупляются крошечныя дѣти окуня. Ихъ мать прикрѣпляетъ каждое яичко къ подводнымъ растеніямъ, къ берегу, къ камнямъ; чрезъ пять-шесть дней окунь выводится изъ каждого зернышка икры, и вкусной этой рыбы водилось бы огромное количество, если бы окуньковъ не поѣдали крупныя рыбы. Среди рыбъ такъ же, какъ и среди другихъ животныхъ—есть хищники, у которыхъ во рту расположены два ряда острыхъ зубовъ, — окунь — хищникъ; онъ поѣдаетъ мелкихъ рыбокъ и маленькихъ водяныхъ насѣкомыхъ, паучковъ, жучковъ, червей, а иногда даже раковъ и лягушекъ.

А. К. Владимірова.

О ЧЕМЪ МОЛИТЬСЯ?

Маріи Конопницкой.

Больна сегодня наша мама... у отца много работы... пойдёмъ, Володя, пойдёмъ, мой золотой! я сама прочту съ тобой молитву. Знаешь ли, мой милый, о чемъ ты долженъ молиться? Молиться надо о томъ, чтобы наша земля родила много хлѣба; молиться надо о золотистыхъ колосьяхъ пшеницы и ржи, о мягкомъ, волнистомъ льнѣ, о вечерней серебристой росѣ для нашей лужайки, для нашей нивы; молиться надо о нашихъ яблокахъ на яблонѣ, которая даетъ тѣнь и прохладу нашимъ садамъ, объ утренней тишинѣ, въ которой звучать веселыя пѣсни птичекъ; молиться надо о томъ, чтобы ласточки лѣпили гнѣзда у карниза крыши нашего дома, чтобы жаворонки водились на нашемъ полѣ; молиться надо, чтобы плачущимъ было послано утѣшенье, а страждущимъ терпѣнье. Молись, мой милый, чтобы Господь далъ силу трудящимся рукамъ, а заброшеннымъ на далекую чужбину даровалъ родимый крестъ, родимую могилу на родномъ кладбищѣ! Молись, мой милый, объ этомъ ясномъ солнышкѣ Божьемъ, которое заволокли тучи на небѣ, а потомъ, потомъ — молись уже, мой милый, за меня и за себя.

Съ польскаго А. Сахарова.

Редакторъ-издательница А. Н. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВЪРОВА.

Дозв. ценз. Спб. 25 Января 1892 г.

Типографія А. М. Вольфа, Фонтанка 92.

